

К ЮБИЛЕЮ Г.И. САГАНЕНКО

Б.З. ДОКТОРОВ

ГАЛИНА САГАНЕНКО: ЛИЧНОЕ И ПОКОЛЕНЧЕСКОЕ

Мне приятно писать о Галине Иосифовне Саганенко и интересно попытаться хотя бы кратко обозначить сделанное ею в социологии. Во-первых, мы очень давно знакомы и учились у одних и тех же профессоров, во-вторых, мы многие годы работали в одних и тех же исследовательских институтах и разрабатывали проблемы одного круга, в-третьих, как социологи мы сформировались в одной — ленинградской — школе, в-четвертых, только что завершилась наша беседа [1], в которой она вспоминает о своем прошлом и о текущих днях. Думаю, что перечисленного хватило бы для рассказа собственно о Саганенко, но стремление выйти за рамки биографического повествования и рассмотреть нечто более общее, оправдывают упоминания еще одного обстоятельства. В-пятых, мы принадлежим к одному поколению постхрущевской российской социологии. Есть и шестое обстоятельство, сугубо личное: именно Саганенко «подтолкнула» меня в социологию.

Писать «Галина Иосифовна» я никак не могу, мы познакомились тогда, когда сразу говорили друг другу «ты», а об отчествах вообще не думали. Писать здесь «Галя» или «Галина» — как-то уж очень разухабисто. Вариант «Саганенко» — всем хорош. Тем более что, так сложилось, многие в Ленинграде и Москве называли ее по фамилии. В частности, в нашем интервью, вспоминая момент подведения итогов исследования иерархической структуры ценностей, она замечает: «Ядов, когда расписал все наши участия во введении к книге, ахнул: “Саганенко (называл меня то по имени, то по фамилии), у тебя чуть ли не больше всех!”».

В 1957 году Саганенко, ей еще не исполнилось 17 лет, на самолете-кукурузнике, о котором договорился ее отец, работавший на авиационном предприятии, прилетела из Таганрога (до этого она жила в

Докторов Борис Зусманович — доктор философских наук, профессор, независимый исследователь (США).

Электронная почта: bdoktorov@inbox.ru

Улан-Удэ) в Ленинград и сразу поступила на математикомеханический факультет ЛГУ. Жила в общежитии, учиться было очень трудно, денег не было. Родители помогать не могли: старший (на год) брат учился на филфаке ЛГУ, двое младших оставались дома. На втором курсе она решила «послать матмех на все четыре стороны» и перевестись в Лесотехническую академию. Ее брали, но в последний момент приятельница убедила ее, что если иметь высшее образование, то только университетское. Начало весны, сессия сдана, стипендию выделили, но она взяла «временный развод» с мат-мехом, ушла в академический отпуск и поехала к маме на Сахалин.

Одновременно с ЛГУ Саганенко проходила еще один университет — жизненный. Похоже, что ЛГУ «завел» ее в социологию, но именно жизненный опыт способствовал тому, что она задержалась в этом научном пространстве. По ее мнению, в социологию она принесла свою открытость миру, заинтересованность в конечном результате, способность уйти от шаблонов и стереотипов, находить массу сюжетов для исследований и проектов.

На втором курсе она начала работать на почте, разносить газеты. Это было «полевым изучением проблем СМИ: акционистские исследования, контент-анализ». Потом — работа на хлебозаводе, откуда ей пришлось уйти через 21 день. Так она познакомилась с проблемой текучести кадров и темой «летунов». На Сахалине мама устроила ее на «прибыльную работу» — продавать газированную воду с сиропом, но коммерция не задалась. Не доливать сироп она не смогла и через несколько недель сдала взятую трехлитровую банку сиропа, доплатив за недостачу три рубля. После этого продавала билеты во всех трех кинотеатрах г. Корскова. С этим она справлялась, заодно самосильно смотрела кино. Вернувшись на матмех к четвертому семестру, она поработала на ситценабивной фабрике. Когда совсем уставала, надрывала ткань, станок останавливался, и можно было отдохнуть минут 15–20 в ожидании наладчика. Так она постигла поведение луддитов и некоторые страницы социальной истории России.

На третьем курсе Саганенко изменила трудовую ориентацию и стала искать формы самореализации в сфере интеллектуального труда. Иногда, по ее воспоминаниям, она устраивалась на очередную работу, просто чтобы не упустить шанс. И это ей пригодилось в будущем, вот ее слова: «Это как сейчас с грантами — если я чувствую, что у есть меня определенное представление и ресурс, чтобы заявить этот жанр работы/исследования — я почти всегда ввязываюсь в эту социально-методологическую интригу. В сумме я получила грантов 20–25, не считая грантов на поездки, и моих студентов/выпускников научила оформлять проекты на конкурсы».

1962 год — настал «момент истины». Кто-то из приятелей Саганенко, она училась уже на 4-ом курсе, увидел объявление в газете «Ленинградский университет» о том, что социологическая лаборатория философского факультета приглашает студентов на кодировку материала. Это велась подготовка к обработке информации исследования «Человек и его работа», ставшего потом знаменитым в стране и многократно повторенного в разных точках СССР. Приглашала на работу первая в стране социологическая лаборатория, а исследованием руководили начинающие социологи В.А. Ядов и А.Г. Здравомыслов. Закодировав положенные 500 анкет, Саганенко заработала свои 37 руб. Просмотрев затем несколько кодировочных листов, она обнаружила в них ошибки. Ядов страшно испугался — как же так, ошибки! Провели строгий статистический эксперимент на 10 анкетах и обнаружили в каждой от двух до пяти ошибок кодирования. Пришлось ей перекодировать оставшиеся 2665 анкет: ей это не стоило больших усилий, но дало первый приличный социологический заработок.

Потом Саганенко писала в лаборатории диплом по математическим методам в социологии, а Ядов ходил к ректору ЛГУ академику А.Д. Александрову, чтобы ее оставили по распределению в Ленинграде и предоставили место в студенческом общежитии. Это было лето 1963 года.

Мои исторические исследования позволяют предположить, что Саганенко была первым в СССР (возможно, одним из двух-трех первых) профессиональным математиком, начавшим работать в социологическом коллективе, участвовавшим в полевых исследованиях и обеспечивавшим обработку первичной информации. Раньше нее начинали несколько человек с философским, экономическим и физическим образованием, в работах которых обсуждались общеметодологические вопросы использования математических методов в социологии.

Подробное описание траектории движения Саганенко в социологию показывает, что в начальной точке ничего не предвещало следующего развития событий. В старших классах она отдавала предпочтение математике, не обществоведческим наукам. В студенческие годы у нее также не возникло интереса к философии или социальным проблемам, не увлекала ее и общественная деятельность, которая могла бы дать импульс к познанию общества. Большая часть выпускников матмеха, учившихся одновременно с Саганенко, до нее и после нее, работала на предприятиях военно-промышленного комплекса, меньшая — преподавала в ВУЗах и продолжала учебу в аспирантуре. Она оказалась в социологии *случайно*, но сам по себе этот случай был первым заявлением о себе *нарождавшейся тенденции*.

В середине и начале второй половины 1960-х в Ленинграде, Москве, Новосибирске, Киеве, Тарту и еще в небольшом числе городов СССР в социологию одновременно пришло заметное число выпускников

математических и физических факультетов университетов, а также элитных институтов ВПК с серьезным математическим образованием. Каждый из них, как показывает биографический анализ, оказался в социологии случайно, многие даже не знали, что такое социология, но в целом процесс вхождения математиков в советскую социологию был *закономерен*. Столь мощного притока сюда людей с подобным образованием не могло быть раньше, и в нем не было необходимости позже.

В развиваемой мною *лестнице поколений* советских/российских социологов насчитывается семь «ступеней», и каждому из них присущи свои *роли, функции* в процессе становления и развития в стране социологии. Эти роли не распределялись каким-либо режиссером, внешней силой, властными институтами. Они — следствие исторических процессов, составляющих фон рождения и суть постхрущевской отечественной социологии.

Первому поколению социологов предстояло доказать самостоятельность социологии как науки, и это была не просто науковедческая тема, не вопрос феноменологии, методологии и организации науки, но прежде всего *проблема политико-идеологическая*. Второе поколение — если говорить в целом — почти не участвовало в дискуссиях о специфике марксистской социологии, оно, опять же в основном, приняло концепцию трех уровней социологии и решало задачи *расширения предметного поля исследований* в опоре на свой солидный «до- и внесоциологический» научный и практический опыт.

Анализируя состояние только оформлявшейся во второй половине 1960-х годов советской социологии, можно выделить обозначившиеся в те годы тенденции ее развития, которые определяли механизмы рекрутирования третьего поколения — время рождения представителей этой группы заключено в интервале 1935–1946 гг. — и тематику, которую ему пришлось разрабатывать. Нет смысла сравнивать глубину ощущавшихся проблем, но безусловно, среди главнейших была проблема *математической обработки* результатов анкетных опросов. Особенностью того времени были большие объемы выборок и большое число вопросов, включавшихся в анкеты. Использовались и другие методы сбора информации, но доминировало анкетирование. Математики нужны были для обеспечения анализа первичных данных, планирования выборок, разработки приемов шкалирования измеряемых установок. Причем социологи первого поколения, прежде всего, назову Б.А. Грушина, Т.И. Заславскую, А.Г. Здравомыслова, Г.В. Осипова, В.Э. Шляпентоха, В.Н. Шубкина и В.А. Ядова, понимали, что эти специалисты должны не просто их консультировать, не только обсчитывать собранные данные на ЭВМ, обучать их, но постоянно работать с социологами, быть членами единого исследовательского коллектива.

Отмечу две особенности современного российского социологического сообщества. Первая: в нем работают социологи *всех* существующих профессиональных поколений. В странах, где социология развивалась нормально, первопроходцы присутствуют в науке лишь своими работами и портретами на стенах создававшихся ими кафедр. Вторая: представители старших поколений многого уже *не помнят*, а младших — *мало знают* о прошлом. Первым — трудно поверить в то, что было полвека назад в отечественной социологии, вторым — это сложно представить.

Вот что вспоминает Саганенко о начале работы в лаборатории Ядова: «Техника феерическая — получаешь распределения на табуляторе (так называлось то техническое сооружение), прогоняешь стопку 80-колоночных перфокарт с массивом данных — задаешь колонку для сортировки, и перфокарты проваливаются в карманы в соответствии с их дыркой на анализируемой строке), затем эти рассортированные стопки считаешь — маленькие вручную, большие опять прогоняешь на табуляторе (у него был механический счетчик)».

Но не только своих коллег по лаборатории Саганенко учила математическим приемам и не только им объясняла правила интерпретации результатов обработки. «Все жаждали приобщиться к научным методам, — вспоминает она, — а какая наука из социологии, если не будет математики. Помню, я обучала группу О.И. Шкаратана. Он был страшно доволен, что договорился в бухгалтерии Военмеха платить мне серьезные деньги — по 6 рублей за академический час (!). Он сам и пять-шесть его сотрудниц добросовестно слушали мои лекции. А я что-то в каких-то книжках вычитывала, все больше по теории вероятностей, сама более или менее пыталась понять что к чему и затем грузила эти теоретические построения на свежую голову ходяков за знаниями».

В действительности ее «студенческая аудитория» была всесоюзной. Книга «Человек и его работа», классика советской социологии, включала в себя приложение, написанное Саганенко и содержавшее четкое, иллюстрированное примерами изложение статистических методов анализа первичной информации. Долгие годы эта монография была учебником по методологии социологии и по математическому анализу данных. Лет через двадцать после выхода книги, встретив на конференции в Москве Саганенко, один известный социолог страшно удивился. Как это? Приложение было написано очень молодой женщиной. Он тогда решил, что ее написал седовласый муж.

С самого начала работы Саганенко «подсела» на качество социологических данных. Она проверяла для Ядова все вдоль и поперек, и появлялись новые идеи относительно анализа данных. В 1974 году ею была защищена кандидатская диссертация по проблематике надежности исходной информации в социологическом исследовании [2]. Через несколько лет вышла книга на ту же тему [3]. Работа продолжалась,

материалов было много, углублялось понимание проблематики, и в 1983 году появилась еще одна книга Саганенко, в которой обстоятельно рассматривался уже комплекс вопросов, связанных с обеспечением надежности результатов социологических исследований [4].

Конец 80-х, пришла пора решиться Саганенко на подготовку докторской диссертации. И здесь, по ее сегодняшним ощущениям, «соединились три благостные вещи»: студенты и лекции, открывшаяся возможность представить диссертацию в виде доклада и учение Шри Чинмоя, подводившее к определенной форме медитации. Заряженная всем этим, она за три недели подготовила первый текст доклада. Особых трудностей не возникало и в дальнейшем, и в 1991 году все успешно завершилось защитой [5].

Пару лет назад В.А. Ядов писал мне, что, по мнению Саганенко, она принадлежит к потерянному поколению. Это неверно. Выше отмечалось, что на третье поколение временем была возложена трудная и многоуровневая задача — привести математические методы в социологию. На мой взгляд, эта задача во многих ее составляющих решена. И роль Саганенко в этом процессе весьма значима.

В последние два десятилетия Саганенко отошла от изучения проблем надежности и активно работает по двум новым для себя направлениям. Во-первых, почти десять лет она руководит общественной организацией «Азария», оказывающей помощь семьям, в которых дети попали в наркозависимость. Под ее руководством и на базе созданных ею «мягких» методов проведено множество исследований по социальным аспектам наркомании. Самая малость полученных ею результатов представлена в книге «Лицом к лицу с наркоманией» [6]. Во-вторых, Саганенко является профессором Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, ею разрабатываются новые подходы к преподаванию различных курсов социологии.

Не только профессиональная, но и личная жизнь Саганенко пронизана социологией. Крестным отцом ее сына Владимира является В.А. Ядов. Дочь Елена стала социологом и занимается проблемами высшего образования. Проведя исследование модернизации российского образования в рамках Болонского процесса, она два года назад стала кандидатом наук. Это голос уже седьмого поколения российских социологов.

Однако не одной социологией живет Саганенко. Мало кто знает, что она была одной из ведущих в стране скалолазок и многого добилась в альпинизме. За пару недель до защиты кандидатской она с большим преимуществом выиграла первенство ленинградского «Буревестника» и первенство города. Она семь раз была чемпионкой Ленинграда в разных видах скалолазания, дважды — призером чемпионатов Советского Союза и ВЦСПС. Были и другие заметные победы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Саганенко Г.И. «...И любимое хобби — социология» (Интервью Б.З. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2010. № 5 (в печати).
2. Саганенко Г.И. Измерение уровня надежности информации в социологическом исследовании. Опыты разработки основных процедур. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1974.
3. Саганенко Г.И. Социологическая информация. Статистическая оценка надежности исходных данных социологических исследований. Л.: Наука, Ленингр. Отделение, 1979.
4. Саганенко Г.И. Надежность результатов социологических исследований. Л.: Наука, Ленингр. Отделение, 1983.
5. Саганенко Г.И. Уровни эмпирической доказательности в социологии. Дис. ... д-ра социол. наук в форме науч. докл. М.: ИС АН СССР, 1991.
6. Саганенко Г.И. Лицом к лицу с наркоманией: перемены идут, перемены возможны. СПб.: ГНУ «ИОВ РАО», 2005.

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ЮБИЛЯРА

Андрей Алексеев: ВСЕ НЕДОСТАКИ СТАЛИ ДОСТОИНСТВАМИ

Все недостатки Галины Саганенко находят продолжение в ее достоинствах. К этим достоинствам я бы отнес: а) жизненную энергию; б) много- и разносторонность; в) антидогматизм; г) креативность (то бишь творческую силу); д) независимость суждений и поступков; е) неумную любознательность; ж) общественную отзывчивость; з) не материнскую, но сестринскую заботу о младших (учениках); и) «стервозность» (это теперь комплимент); к) амбициозность (как анти-теза скромности); л) целостную личность (ценнейшее, чуть ли не уникальное качество!).

Спрашивается: каковы же Галинины недостатки? К ее нынешней годовщине они почти все превратились в достоинства. И рассчитывать на обратное превращение не приходится. А жаль. Мои искренние Галине поздравления!

Владимир Ядов: «ГАЛЯ, МЫ ОСТАЕМСЯ ЕДИНОМЫШЛЕННИКАМИ

Борис Докторов превосходно написал о Галине и «вставил» ее биографию в поколенческие когорты. Я же поделюсь своим впечатлением от этой неугомонной особы.

Галя, будучи скалолазкой, то есть фанатом экстремального вида спорта, наращивала унаследованные от мамы и папы черты характера. Завидное упорство в достижении любой на данный момент поставленной цели, или то, что называют упрямством, — главная особенность ее личности. Когда она пришла в нашу лабораторию, ей с

немалыми трудностями удавалось письменно изложить свои мысли. Я многократно переписывал подготовленные для научения профанов тексты по матметодам. Профанами были мы все без исключения. Из школы помнили лишь проценты и быстро овладели расчетом «хи квадрата», благо дроби также проходили в четвертом (или каком?) классе. Все последующее знание — от Саганенко.

Ее английский был весьма слаб, просто никудышный. Прошло немного лет, и что? Галина Иосифовна издает одну за другой монографии, написанные хорошим русским языком, без излишней малопонятной иностранщины, но вместе с тем читает лекции — не то в Бельгии, не то в Нидерландах... на английском.

Как истинный спортсмен она не признает преград, рубит правду-матку невзирая на лица. Помню, как Галя меня выругивала за склонность к компромиссам (что правда), и как-то напомнила мне забытый мною хороший анекдот. Анекдот такой. Случилось, что интеллигенту следовало зарезать свинью. Он вошел в свинарник, откуда вскоре раздался визг несчастного животного. По выходе из сарая на вопрос «Ну как, зарезал?» — очкарик отвечал: «Нет. Но я ей здорово напощадал!».

Галя, дорогая, давай и дальше двигаться вперед по жизни своим стилем. Согласись, что мы остаемся единомышленниками.